Окончание.
Начало в «РМ» №4040

Арлен Блюм

Во власти обезьян: Евгений Замятин под советской цензурой

В 1929 году по сигналу свыше в прессе началась невиданная травля ряда писателей, в том числе Замятина и Пильняка. Выступая в 1930 г. на 16-м съезде ВКП(б), комсомольский трубадур Александр Безыменский не преминул еще раз, в стихах, конечно, лягнуть их:

А в дали
Боевую идею
Взяв язвительным словом в штыки,
Цветом «Красного дерева» преют
И Замятина
И Пильняка.

В уже цитированном письме Сталину писатель пишет, что эта вещь неизменно подавалась критикой как «моя последняя, новая работа», тогда как роман «написан за девять лет до того, в 1920 году...» (подробнее о перипетиях издания романа за рубежом и реакции на это в СССР см. комментарии Евг. Барабанова в кн.: Е.Замятин. Сочинения. М., 1988, с.526-541).

Кампания против него, совпавшая с «годом великого перелома», привела к окончательному отлучению Замятина от литературы, закрыла для него двери всех издательств, журналов, театров... Для Замятина, по словам его письма Сталину, это означало «высшую меру наказания»: «Для меня как для писателя именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельство сложилось так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество не мыслимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся травли». Не пожелавший «покаяться», как того требовалось, Замятин в письме в «Литературную газету» (7 октября 1929) заявил о своем выходе из Всероссийского союза писателей.

После этого он был, если вспомнить орвелловский термин, объявлен «нелицом», приравнен к несуществующим. Окончательный приговор вынесен в 1930 году статьей о нем, помещенной в 4-м томе «старой» «Литературной энциклопедии», которую он успел прочитать на родине: «Теории З. не более как маскировка очень прозаической и очень понятной тоски буржуазии по утерянной ею экономическом благополучии и ненависти к тем, кто это благополучие у нее отнял. Выражая психоидеологию этой снимаемой с исторической арены социальной группировки, творчество З. приобретает с развитием нашего социалистического строительства все более и более контрреволюционную направленность». Здесь же упомянут и роман «Мы», в котором создан «низкий пасквиль на социалистическое будущее».

Цензурные инстанции (не случайно цитируемая далее «Резолюция совещания при Культпропе Ленинградского обкома ВКП(б)», принятая в январе 1931 г., обнаружена в архивном фонде Леноблгорита) получили указание партийных идеологов усилить борьбу с «классовыми врагами, вставшими на путь вредительства в литературе, искусстве и т.д.». Среди них названы Замятин, Сергеев-Ценский, Клычков и П.Романов, в творчестве которых «контрреволюционная кулацкая идеология, шовинизм, мелкобуржуазная стихия и загибы проявили себя в самых разнообразных формах» (ЦГАЛИ СПб, ф.281, оп.1, д.37, лл.41-43).

Последний цензурный инцидент произошел в связи с последней же публикацией замятинского текста на родине — перед полнейшим, более чем полувековым замалчиванием самого его имени. Весной 1931 года, буквально накануне его отъезда за границу, куда он был милостиво отпущен (в отличие от Булгакова), возник цензурный конфликт в связи с подготовкой Е.Замятинным предисловия к выпускаемой в издательстве «Academia», в серии «Сокровища мировой литературы», «Школе злословия» Шеридана. В мае Замятин направляет исполненное чувства достоинства письмо самому начальнику Главлита П.Лебедеву-Полянскому, в котором, в частности, пишет:

«Мой очерк о Шеридане, написанный, я полагаю, с достаточным умением и знанием, издательством был одобрен; разумеется, ничего такого, что могло бы встретить возражения с идеологической стороны, там не было и не могло быть — что и было подтверждено соответствующим разрешением Ленинградского Об-

ластита, выданным в феврале месяце этого года. А в марте Областлит потребовал от издательства снятия этой моей статьи — и как будто для того, чтобы подчеркнуть: что это мотивируется отнюдь не содержанием статьи, а подписью автора, — Областлит потребовал также... снятия моего имени как редактора перевода.

Этому с трудом можно поверить, но тем не менее это факт. И факт этот — либо беспримерный случай провинциального головотяпства, либо сознательное вредительство, потому что такие выходы могут только компрометировать работу советского учреждения».

На это 19 мая последовал такой запрос:

«Главлит. Зав. Ленобллитом тов. Вальяно. Секретно.

Направляя при этом копию письма тов. Замятина, по поручению П.И.Лебедева-Полянского, прошу дать по изложенному в письме вопросу свое объяснение.

Секретарь управления Главлита (Бирюкова)».

Ленинградская цензура отреагировала следующим образом: «На Ваш запрос от 12.V за №432/с сообщаем, что имя редактора Замятина с книги Шеридана «Школа злословия» нами не снято. Предисловие Замятина действительно было изъято ввиду того, что предисловие П.С.Когана более приемлемо как по установке, так и по характеру, и поэтому рекомендовано издательству ограничиться одним предисловием. Теперь же, по получении Вашего запроса, нами отдано распоряжение о наборе предисловия Замятина, как не исключающего предисловия П.С.Когана» (ЦГАЛИ СПб, ф.281, оп.1, д.56, лл.33-35).

Столкновение Замятина с цензурой закончилось его победой, хотя и относительной. «Школа злословия» Шеридана, вышедшая в 1931 году, все же содержала на обороте титульного листа пометку «Редакция и вступительная статья Евг. Замятина». Однако ей предшествовало указанное выше предисловие П.Когана как «более приемлемое»: действительно, там комедия Шеридана была названа «образцом сентиментальной буржуазной литературы», который «долго будет вызывать взрывы смеха и нахо-

дить отклик у зрителя — до тех пор, пока порядок общественной жизни, основанной на эксплуатации, будет порождать кадры торжествующих праздных людей, возбуждающих смех и отвращение ничтожеством своих интересов и мелким содержанием своего бесцельного существования» (с.17).

Эта история стала последней каплей, переполнившей чашу терпения Замятина. Через месяц он послал письмо Сталину, в котором написал об этом инциденте: «Независимо от содержания той или иной моей вещи — уже одной моей подписи достаточно, чтобы объявить эту вещь криминальной».

Имя Замятина мелькнуло до его отъезда еще раз — в секретном докладе первого начальника Главлита, ортодоксального марксистского критика П.Лебедева-Полянского «О руководстве художественной литературой», прочитанном им в январе 1931 г. на «Секретном совещании заведующих обкрайлитами» (архив РАН, ф.597, оп.3, д.17).

Наряду с Пильняком самыми «вредными» и «идейно чуждыми» названы в нем Замятин и Булгаков. «Художественная литература, — наставлял и нацеливал он своих подчиненных, — это самый сложный и трудный фронт, на котором драки у нас с издательствами будет больше, чем на каком-либо другом...»

Надо сказать, что характер изданий очень резко меняется по отношению к тому, что было раньше. Раньше нам давали литературу махрово-контрреволюционную. Возьмем таких писателей, как Замятин и Булгаков. Замятин даже ухитрился выпустить сказку, политический смысл которой таков: как бы большевики ни пытались построить новое общество, они его построить не могут, потому что на крови, на костях нельзя строить, потому что от разложившихся трупов в этом новом обществе идет смрад, и все бегут от него, зажавши носы. Такова была сказка, против которой я выступил в журнале «Под знаменем марксизма».

Речь здесь явно идет об аллегорической сказке Замятина «Церковь Божия», опубликованной еще в 1922 году в альманахе «Петербургский сборник». Сюжет ее — убийство Иваном, возжелавшим построить «невиданную» церковь, купца; однако верующие с ужасом покидают

смердящий храм, построенный на крови. «Всем ясно, — переводит Лебедев-Полянский этот сюжет на язык тогдашней критики в упомянутом им журнале: — Иван — это революционный пролетариат, купец с деньгами — это наша буржуазия, церковь — это коммунистическое общество. И если в церкви пахнет человеческими трупами и стоять в ней нельзя, то и коммунистическое общество таково».

В другой статье «Принципы пролетарской критики» Лебедев-Полянский снова вспоминает Замятина с его «Церковью Божией»: «Петербургские писатели, объединившись во главе с Замятинным, в основу своего творчества положили следующую организационную задачу: показать, что благочестивые, но дикие варварские эксперименты положительных результатов не дадут, заполнят жизнь смрадом и кончатся прахом для них самих». Сама сказка Замятина была запрещена на долгие годы и вновь опубликована только в 1989 году.

«Затем тот же Замятин, — продолжает свой доклад начальник советской цензуры, — представил роман, изображающий социалистическое общество. Социалистическое общество — это конюшня, доволно темная, грязная, в которой много стойл, и в каждом стойле находится свинья. И все... и больше ничего нет. Вот, примерно, социалистическое общество». Здесь он, очевидно, метит все в тот же роман «Мы», но явно перевирает: в романе Замятина никаких «свиней» в «конюшнях» нет...

После отъезда за границу вокруг имени Замятина воцарилось полнейшее молчание. Статья о нем, правда, появилась в «Краткой литературной энциклопедии» (т.3, 1964), но и на волне хрущевской оттепели в ней содержались утверждения, даже стилистически повторявшие «Литературную энциклопедию» 1930 года: «События эпохи воен. коммунизма и гражд. войны (...) З. изображал с анти-советских позиций, как возврат к первобытному «пещерному» существованию. З. написал также роман «Мы» — злобный памфлет на сов. гос-во. Его появление за границей (опубл. в 1924 в Англии) вызвало возмущение сов. общественности».

В годы так называемого «застоя» имя

Замятина продолжало оставаться табуированным. Из подготовленной Государственной публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина многоотомной библиографии «Русские писатели. Прозаики» была исключена его персоналия, несмотря на неожиданную поддержку К.Федина. В 1967 году в письме на имя директора библиотеки он просил «включить имя значительного русского литератора Е.И.Замятина», однако цензура не пропустила этот раздел (см. «Литературная учеба», 1994, №3, с.113-114).

Имя писателя (вместе с именами Гумилева и Манделштама) выбрасывается во время съемок фильма «Чукоккала», несмотря на протесты Чуковского.

Роман «Мы» конфискуется на таможнях; в случае же его обнаружения во время обысков в диссидентских кругах становится «обстоятельством, отягчающим состав преступления». Например, отвечая в 1978 году на запрос из КГБ, начальник Леноблгорлита разъясняет: ««Мы» Евгения Замятина — злобный памфлет на советское государство. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит» (ЦГАЛИ СПб, ф.359, оп.2, д.150, лл.7-10).

Сорвалась попытка издания сборника произведений Замятина в 1983 году, несмотря на восторженную «внутреннюю рецензию» В.Шкловского, в которой он писал: «Я рад, что издательство «Советский писатель» решилось все-таки взяться за это давно уже необходимое дело... Не будем обеднять себя. Нам есть чем гордиться. Ошибки надо исправлять» (см.: Евг. Замятин. Избранные произведения. М., 1989, с.11).

«Ошибка» была исправлена издательством через шесть лет.

В 1986 году каким-то чудом на родине писателя в Воронеже удалось издать сборник «Повести. Рассказы» — разумеется, романа «Мы» там не было.

Окончательно же «реабилитировано» было имя Евгения Замятина лишь в самом конце 1988 года, когда Главлит СССР обратился в Идеологический отдел ЦК КПСС с таким предложением: «...провести работу по переводу из спецфондов в общие фонды библиотек русскоязычных произведений авторов-эмигрантов, выехавших за рубеж в период с 1918 по 1988 год». В числе 600 авторов-эмигрантов упомянуто и имя Замятина. Идеологический отдел поддержал инициативу Главлита.

Спустя почти шесть десятилетий книги писателя вернулись на родину.

Санкт-Петербург